

Глеб Иванович Успенский

Злые новости

Глеб Иванович Успенский

Злые новости

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665045

Аннотация

Очерк «Злые новости» написан Успенским летом 1874 года. В очерке поставлен вопрос о разрушительном влиянии денег и надвигающихся на деревенскую жизнь новых капиталистических порядков. В то же время Успенский замечает «едва заметную звездочку мысли, явившуюся в массе» и осветившую ее сознание в результате ломки патриархально-крепостнического уклада.

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глеб Иванович Успенский

Злые новости

I

Шестнадцать лет тому назад в жаркий июльский полдень на реке Черемухе, впадающей в Волгу, появился первый пароход. Медленно, сурово и вместе трусливо прокладывал он свой первый путь по этим девственным водам, между спокойно зеленевшими берегами... Целая армия мужиков с длинными шестами в руках толпилась на носу парохода; другая не менее значительная армия разного пароходного начальства наполняла капитанскую рубку... «Шше-есть!.. че-ты-ре-е!» – во всю мочь громкими голосами орала армия мужиков, поминутно выхватывая из воды мокрые и сверкавшие шесты... «Ти-шше! Сто-о-ой!» – гремели басы лоцманов, – и, повинувшись этим громким, ни на минуту не умолкавшим криком, пароход то притихал, сердито ворча, то начинал свистать, дымил черными клубами дыма и безжалостно ломал тихую поверхность реки

Изумленные этим невиданным зрелищем, как вкопанные останавливались с граблями в руках толпы расфранченных, по случаю уборки сена, деревенских женщин, пестревшие по обоим берегам реки. Не понимая, что такое творится, эти

простые люди испытывали в то же время ощущение чего-то удивительно страшного и вместе удивительно веселого... И вот, развиваясь с каждой минутой, это ощущение страшного и веселого разрешалось в какой-нибудь из зрительниц тем, что она, сама не зная почему, вдруг затягивала звонкую песню, начинала подплясывать и бить в ладоши... А за одной принимался петь, плясать и бить в ладоши весь расфранченный луг... И пляшет и поет он, в такт стуку паровой машины, даже после того, как паровоз прошел мимо.

Это нервное состояние, производимое странным, непонятным и чудным, – повторялось по всему протяжению Черемухи, где шел паровоз и где его, видели люди. То же самое произошло и с жителями села Покровского, в котором паровоз остановился на ночлег... Необыкновенное веселье и необыкновенный страх обуял жителей Покровского: мгновенно, как только паровоз остановился у наскоро (еще весной) сколоченной конторки, наполненной народом, раскатав ее своими волнами и разбросав по берегу лодки, тоже наполненные покровским народом; точно в лихорадочном жару стали метаться эти испуганные и обрадованные люди с конторки на берег и с берега на конторку; молодежь – парни, девки, ребята – лазили на четвереньках у самого борта паровоза, желая разглядеть, что там делается, и когда один из таких наблюдателей увидал, что внизу, из какой-то дыры, как из окна, торчит человеческая голова, – на него нашло что-то до такой степени непонятно омерзительное, что он тотчас

же пошел колесом и продрал таким образом на самый верх крутого берега...

Целую ночь, покуда стоял пароход, продолжалось это нервное, близкое к истерическому, состояние, и когда на следующий день чудный гость, засвистав и задымив, ушел дальше, все, что жило в Покровском, чуяло, что случилось что-то новое, что теперь что-то стало не то, и действительно, впоследствии, спустя годы, всякий Покровский житель стал считать день первого появления парохода – днем, с которого в сельскую глушь начали являться разные злые и добрые новости. Пароход, снаряженный каким-то юным купеческим сыном, – быть может, пожелавшим, шуметь на газетный манер, – «росчал» состарившиеся нравы захолустья, и вслед за тем в эти дряхлые нравы, в эти маленькие дела стали входить новые элементы, новые черты... Не прошло и года после памятного дня, как из неясно сознаваемого покровцами «нового» совершенно точно и определенно и для всех видимо обрисовалось одно явление, совершенно новое. Это явление, пришедшее за пароходом, было – *деньги*. В глушь, в захолустье, в среду бедности, забитости пришли деньги, много-много; денег...

– Такие ли еще деньги я на своем веку видал! – негодуя на новости дня, говорит покровский старожил. – Может, сотни тысяч через мои руки прошли, а не то что... Какие это деньги? Тьфу, одно!

Речь этого старожила дышит неподдельным негодованием

на новые времена. Но человек, близко знакомый с прошлым житьем-бытьем Покровского, посравнив его беспристрастно с настоящим, непременно должен сознаться, что негодование старожила вполне неосновательно. Да и в самом деле, за сколько бы сот лет мы ни углубились в историю села Покровского, мы всегда находим покровца работающим на кого-нибудь – на большого боярина, на сына боярского, на святую обитель, на господ злых, на владык добрых, на разбойников-приказчиков – и вообще на сотни и сотни разных сортов владык, которые поступали со всеми этими людишками как хотели: продавали их и закладывали, пропивали, проигрывали, забывали их на год, на два, а потом вдруг нагрянывали и требовали сразу все за прошлое да вперед за пять лет... Не мелея и не пересыхая, а, напротив, постоянно увеличивая свои воды, целые столетия лилась в этот уголок река приказов из Москвы, из Питера, из Парижа и бог весть откуда, и в редком из них не было повеления, чтобы – «которые людишки от нашего господского дела по лесам станут разбегаться и животы свои кидать, и те животы брать на наш господский двор да, сыскав людишек, кнутом бить и к делу нашему боярскому ставить...» А над злыми и добрыми детьми боярскими и боярами, над беспощадными немцами-управителями и кровопийцами-приказчиками – стояли Москва, Питер и тоже требовали: «да на зелейное... да на пушкарные... да посошные...» – не забывая всякий раз прибавить в объяснение законности этих сборов все то же пове-

ление: «сыскав, бить и деньги с него взять». Эти два потока приказов, стоявшие целые столетия у самого носа покровца, естественно давали очень мало времени покровцу подумать о себе, поработать на себя... – Через его руки, как говорит старожил, прошло несметное число денег, – но чтобы они были когда-нибудь в руках у него, чтобы он привык распоряжаться ими – этого сказать никак нельзя, иначе как объяснить, что и до сих пор покровец не умеет расчесть, не знает, где его выгода, берет грош за неистовый труд, а на пустяке думает ограбить и нажиться...

– Ежели вашему здоровью поскорее, – ломаясь, бывало излагает предводитель целой толпы покровцев человеку, который *нарочно* приехал к ним из города на лодке по какому-нибудь делу, – ежели теперича поскорее вам надуть, то ближе, как двадцать пять... то бишь... шестьдесят рублей нам взять нельзя... Этаким вот манером!

Проговорив с полным апломбом эту речь, покровец оглядывался на своих товарищей, как бы спрашивая их: «ловко ли?» Но товарищи сами смотрели на него недоумевающими глазами и тоже как бы спрашивали: «нешто столько?» Общее недоумение разрешалось обыкновенно тем, что приезжий, изумленный глупостью обывателей, не сказав ни слова, только плевал на их речи и, не помня себя от негодования, шел назад в лодку.

– Назад поезжай! – говорит он гребцам, и те берутся за весла.

При виде этого покровцы начинали понимать, что попали «не туда»; они сразу снимали шапки и, толпой придвинувшись к берегу, оробевшими голосами кричали отъезжавшему:

– А ваша цена какая будет? Ваше сиятельство! Говорите вашу цену.

– Я с дураками, – доносилось из лодки, – разговаривать не хочу!

Тут всеми покровцами овладевал панический страх; сразу поняв, что они дураки, и видя этих дураков один в другом, они принимались осыпать друг друга ругательствами и пинками и, как испуганное стадо, бросались к воде, а иные вбегали по колено и даже по шею в воду и орали...

– Двадцать... Пятнадцать, господин!..

– Десять... Пя-а-а-ть!..

– Я с дур-рраками, – гремел с лодки ответ, – и говорить-то не буду!..

– Три-и-и... два-а-а... – вопияли покровцы, захлебываясь и утопая.

– Рубль! – наконец с насмешкой отвечали с лодки, и на этот рубль бросались все.

– Я-я-я-я... – гудели над рекой, перемешиваясь с бранью, крики дравшихся и утопавших покровцев.

Задумав ограбить и нажиться, сразу там, где этого сделать невозможно, покровец доводил, таким образом, цену своего труда чуть не до нуля. Он это донимал и хотел поправить-

ся...

– Так за рубль? – спрашивает его воротившийся приезжий.

– Да уж... – бормочет он и робко шепчет: – за два с полтинкой... уж...

– Как за два с полтинкой? Полтинника не дам!

– Ну, извольте, извольте.

– Не дам!

– Ваше сиятельство! Ваше благородие!..

Со зла приезжий человек был неумолим, и Покровскому обывателю приходилось брать за труд уж настоящий нуль...

– Как перед богом, перед создателем скажу, – окончив работу, клянчил покровец пред нанимателем; – как есть – ни крохи не осталось... Лошадей задрал... Всю дорогу, сам суди, на одном кнуте; ехал... Чисто подохнуть таперчи... Яви божескую милость!.. заставь бога молить.

И получив в подачку двугривенный, он уходил к своим задраным лошадям, утирая рукавом мокрое от поту лицо и говоря:

– Дай тебе бог... Пошли тебе царица небесная...

Такое, большею частью, знание – сколько, когда и за что надо взять, обнаруживал покровец в делах случайных, где ему приходилось заработать на себя, без постороннего приказа... Очевидно, это был ребенок, который, однако, и разбойником тоже быть мог. Не в лучшем положении находился его труд и для своего будничного прокормления и житьишка.

Хлеб, масло, молоко, рыба, благо река близко, летом ягоды – вот чем тянуло свое существование село Покровское. Но город, стоявший на той стороне, верстах в трех ниже Покровского, куда последнее сбывало свои продукты, был плох, беден (пароход даже и не останавливался в нем), платил мало, прижимисто... Великого труда стоило поэтому Покровскому жителю или жительнице вытащить из цепких лап городских торговцев какой-нибудь рублишко, да и тот чаще всего приходилось оставить в тех же лапах, задолжав еще полтину.

Бывало, целую неделю, не покладая рук, какая-нибудь покровская жительница сбивает масло; целую гору набила она его – и вот, наконец, везет в город.

Сидит она с своей кадушкой в самой середине громадной дубовой лодки. Три здоровенных парня, три родных ее сына, грохая в воду громадными дубовыми веслами, доставляют маменьку в город. Они без шапок; спины их черны от поту, и руки горят, словно их огнем обожгло.

– Ты мне, маинька, три копейки бесприменно дай... Я хоть квасу выпью! – говорит один из богатырей.

– И мне, маинька! – говорит другой.

– А мне, – говорит третий, – хушь копейку...

– Да как купец, касатики! – охая, шепчет мать этих богатырей. – Приналегните, касатики... Захватить бы купца-то...

– Захватим! – дружно принимаясь за весла, произносят богатыри: – только ты нас не обидь...

– Да, хорошо, как купец...

– Н-но... рряб-бя... навались...

И несется дубовое чудовище, как стрела; часа через четыре плетется оно назад... Уныло бухают богатыри веслами, лица их, суровы и злы...

– Чорт! – говорит один, адресуя это слово к купцу. – Право, чорт, прости господи...

– Идол этакой!.. – говорит другой.

– И квасу не выпил... Все нутро палит...

– Авось и без квасу не умрешь! – произносит мать. – Хорошо хошь взял-то...

– У него, у собаки, сколько денег-то... Что ему дать?.. – не унимаются богатыри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.